

Джон Кокбёрн

(Jon Cockburn) — преподает теорию дизайна, научный руководитель и организатор курсов в группе креативных индустрий на факультете права, гуманитарных наук и искусств Вуллонгонгского университета (Австралия). Область научных интересов — мода, медиа и теория визуальной коммуникации сквозь призму гуманитарного знания.
jon@uow.edu.au

Olivetti

и недостающее третье:

мода, работающие женщины и образы «механофланерки» в 1920–1930-х годах

Аннотация

Статья посвящена образу «механофланерки» как активной, работающей современной женщины 1920–1930-х годов. В этом контексте и во взаимодействии с сопутствующим этому понятию и транскультурным влиянием интереса к тейлоризму на занятость и моду в США, СССР и Италии рассматриваются особенности фланирования, «странствующая теория» и концепции самопрезентации.

Ключевые слова

Фланирование, «механофланерка», тейлоризм, «странствующая теория», машинистка

Статья впервые
опубликована
в журнале
Fashion Theory:
The Journal
of Dress,
Body & Culture
(2015. Vol. 19.5)

Введение

В 1858 году писатель Виктор Фурнель (1829–1894), парижанин, заметил, что для успешного фланирования необходимо вести активный образ жизни, обладать острым умом и к тому же добросовестно и тщательно наблюдать и запоминать увиденное (Fournel 1993: 492)¹. Фурнель сравнил фланирование с принципом работы «восприимчивой, подвижной дагеротипной съемки, фиксирующей малейшие изменения» (Ibid.). Коротко говоря, для Фурнеля фланирование означало «умение двигаться в ногу с современностью и наблюдать ее движение со скоростью и точностью, сопоставимыми со стремительно совершенствующимся механизмом фотоаппарата» (Соскбунг 2005: 101). По Фурнелю, в основе фланирования как практики лежит тяга к «странствиям», к сбору впечатлений или сведений, отражающих многообразие современного города и разные ритмы его жизни (Fournel 1993). Меняющаяся обстановка европейских и североамериканских городов XIX столетия, их усложняющийся ландшафт открыли перед фланерами и фланерками новые возможности — фланировать, как им заблагорассудится (Laermans 1993; Ryan 1994). Практики фланирования принимали форму фиксации изменений и участия в них, пусть даже в качестве безымянного наблюдателя. Разграничение публичного и приватного, а вместе с ним вопрос о том, кто может фланировать, не подвергая себя риску общественного порицания и юридических санкций, привели к спору о мужчине и женщине в этой роли — образах фланера и фланерки (Wolff 1985; Buck-Morss 1986; Wilson 1992; Nead 2005).

В дискуссиях о женском фланировании фланерке неизменно отказывали в принадлежности к какой-либо категории городских жителей, общества и занятого населения и/или в уникальности ее взгляда как наблюдательницы (Wolff 1985; Buck-Morss 1986; Ryan 1994; Wilson 1995). Однако авторы более поздних исследований, детально анализирующие присутствие женщин в культурной и общественной жизни крупнейших западных городов во второй половине XIX века, выделяют разные типы фланирования в зависимости от особенностей фланерки (Nead 2005: 13–80). Принадлежа к широкой публике, фланерки обдумывали, как приспособиться к социальным нормам, получить образование и устроиться на работу, что изменило демографический портрет наблюдателей в таких городах, как Берлин, Милан, Москва, Нью-Йорк и Париж.

Как я уже отметил, в статье я намеренно отталкиваюсь от определения фланирования, предложенного Виктором Фурнелем (Fournel 1993), сознавая, что в истории искусства и моды (Pollock 2008; Groom

2013) на первый план выходит альтернативное определение, позаимствованное у современника Фурнеля Шарля Бодлера (1821–1867). Бодлер как поэт и критик занимал видное место в культурной жизни Парижа середины XIX века. В дискуссиях о зарождении модернизма и представлений о гендерной идентичности часто цитируют сборник Бодлера «Салон 1846 года» и его эссе «Художник современной жизни» (Baudelaire 2001 [в русском переводе также «Поэт современной жизни»]). Сочинения Бодлера чрезвычайно интересовали теоретика культуры Вальтера Беньямина (1892–1940) (Benjamin 2003). Но ни Бодлер (Baudelaire 1984), ни Беньямин (Benjamin 2003) нигде напрямую не пишут именно о фланерке. Однако именно эссе Бодлера и проведенный Беньямином анализ сформулированных в них понятий задали рамки критического осмысления фланирования, фигуры фланера и предполагаемого образа фланерки, можем ли мы различить его в их произведениях или нет (Wolff 1985; Buck-Morss 1986; Pollock 2008; Friedberg 1991; Tester 1994; Wilson 1992; Gleber 1999; Moulton 2001; Shaya 2004).

Несмотря на отсутствие прямого упоминания фланерки у Бодлера и Беньямина, женщины, как показали исследования, присутствовали на улицах, явно или стараясь не привлекать к себе внимания, и наслаждались различными зрелищами «современности». В XIX веке смешанную публику привлекали такие зрелища, как пассажи, Всемирные выставки и другие международные мероприятия такого рода, газовое, а затем электрическое освещение в центре крупных городов и только появившиеся универсальные магазины (Zola 1998; Miller 1981; Greenhalgh 1988; Friedberg 1991; Richards 1991; Lancaster 1995; Nead 2005). Иными словами, представления о фланерке и присущих ей практиках фланирования — «странствующая теория», открытая для критического анализа прежних точек зрения, и, как утверждает Линда Нид, «деконструировать идентичность фланера — значит развенчать одну из ключевых традиционных концепций современности, рожденных в недавнее время» (Nead 2005: 71). Изучая Лондон XIX века, Нид ставит под вопрос представления о гендерной природе фланирования в XIX веке, пытаясь понять, «кто присутствовал на улицах города в XIX веке и как они переживали это присутствие» (Ibid.). Нид, по ее собственным словам, решила «переосмыслить присутствие самых разных женщин на городских улицах» и выявить «тех, кто не занимался проституцией, не работал, не вышел за покупками или по делам благотворительности, но женщин всех классов и идентичностей, передвигавшихся и живших в пространстве города» (Ibid.). Важно отметить, что Нид утверждает:

«Эти женщины необязательно становились пассивными жертвами ненасытного мужского взгляда — можно сказать, что они наслаждались „зрительной экономикой“ города и сами участвовали в ней; эти женщины смотрели на прохожих и отвечали на их взгляды» (Ibid.).

Продолжение и иллюстрации в печатной версии.